

БЛАГОРОДСТВО СТИЛЯ

ПРИЕХАВШАЯ к нам на гастроль английская балетная труппа («Королевский балет») познакомила нас с несколькими оригинальными постановками и с двумя классическими русскими балетами, один из которых — «Спящую красавицу» в постановке Петипа — москвичи не видели давно, а другой — «Жар-птицу» в постановке Фокина — не видели вовсе. Эти два обстоятельства наводят на разного рода размышления, которые давно пора высказать вслух, но отложим это до другого раза, а пока продолжим прерванную информацию. Английская балетная труппа не поразила нас ни уровнем своим, хотя он весьма высок, ни своими художественными открытиями, хотя некоторые из них и в самом деле интересны. Произвело впечатление другое, что может быть названо благородством манеры. Для рассеянных зрителей это представляется известными неудобствами, так как за спектаклями англичан нельзя следить рассеянным взглядом. Надо быть очень внимательным, чтобы не упустить самого интересного и ценного. Здесь нет привычки козырять своими сильными сторонами, всячески их эксплуатировать. Здесь нет стремления умело подготавливать эффекты. Художественная нескромность здесь не в почете, ее стараются избегать, насколько это вообще возможно в балете. Как танцует Марго Фонтейн, легендарная прима-балерина труппы, наиболее полно выражающая ее дух? Сдержанно, скромно, сосредоточенно. Даже деловито. Но взгляните — и вам откроется и ее человеческое очарование, и загадочное изящество ее пластики, и бескоймовное чередование ее ритмов. Большое искусство, секрет которого в том, что

оно не умеет себя афишировать.

Благородство стиля, — по видимому, отличительная черта английской хореографии в целом. Это позволяет английским хореографам с успехом трактовать сюжеты, в основе своей прозаические и даже обыденные. Самый яркий пример — «Карьера мота», знаменитый балет, поставленный четверть века назад нынешним руководителем труппы Нинетт де Валуа. «Карьера мота» — как бы наглядное торжество искусства над натурализмом, в который спектакль мог бы впасть, но так и не впадает. Художественный эффект основывается именно на этом: обстоятельства возникают все более и более «небалетные», с точки зрения привычных представлений, — спектакль же, однако, с каждой сценой лишь выигрывает в своей остроте, выразительности и художественной правде. Вот что значит смелость, соединенная со вкусом и культурой. Вот что значит не быть во власти предубеждений.

Зато как проваливают англичане традиционные балетные сюжеты, принадлежащие, правда, дурной традиции — традиции хореографического эстетизма. Традиция эта не просто дурная, а, вероятно, самая дурная, но даже при этих условиях вовсе не обязательно работать на том уровне, который демонстрирует Фредерик Аштон в своих одноактных балетах «Пери» и «Ринальдо и Армида». Мы говорим об этом потому так откровенно, что как раз Аштону принадлежат балеты, имевшие в Москве наибольший успех, — «Ундина» и «Тщетная предосторожность». Особенно хороша «Тщетная предосторожность» — вот где масса жизни, веселья и подлинно

демократического духа. Чудеса виртуозности показывают в ней Надя Нерина и Дэвид Блер, с замечательным юмором играет Александр Грант, а сам Аштон кажется куда более талантливым и современным художником, чем в «Пери». Смотришь эти два спектакля, сравниваешь их и думаешь: как устарел ныне стиль «модерн», сейчас это, пожалуй, самое консервативное, самое отсталое направление в балете.

Что же является самым передовым? На этот счет существуют разные мнения, но кажется очевидным, что балетное искусство в разных странах мира переживает ныне критическую пору. Приходит новое поколение, иронически настроенное по отношению к предшественному. Некоторое представление о таких новых веяниях дает одноактная миниатюра «Концертные танцы» в постановке Кеннета Макмиллана. Это нечто вроде «авангардистского» балета, поставленного, однако, с той присущей англичанам художественной умеренностью, при которой мятая в искусстве приобретает вполне благородный вид и никаких потрясений основ вроде бы и не происходит: чуть более обновленный танцевальный язык, чуть более свободная композиция и несколько более естественная обшая атмосфера. Скажем, отношения между молодыми людьми и девушками строятся так, чтобы это не показалось романтизмом преувеличением, «сказками старой бабушки». От случайного поцелуя здесь не умирают, как это происходит в архаичной композиции «Ринальдо и Армида». И это в общем приятно. Пролагает ли это действительно новый путь — судить еще рано.

В. ГАЕВСКИЙ